
**УТЕРЯННЫЕ
ПОБЕДЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ**

МАРК
СОЛОНИН

ИЮНЬ
41-ГО
ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ

Москва
ЯУЗА-ПРЕСС
2014

УДК 355/359
ББК 63.3(2)62
С 60

Оформление *П. Волкова*

Солонин, Марк Семенович.
С 60 Июнь 41-го. Окончательный диагноз / Марк Солонин. — Москва : Яуза-пресс, 2014. — 576 с. : ил. — (Утерянные победы Второй Мировой).

ISBN 978-5-9955-0739-0

Подлинные масштабы военной катастрофы 1941 года скрываются до сих пор — пытаясь найти хоть какие-то оправдания сокрушительному разгрому Красной Армии, исторический официоз замалчивает тот факт, что соотношение советских и немецких потерь в Приграничном сражении достигало невероятной цифры 1:35 (35 наших бойцов за одного выбывшего из строя гитлеровца)!

«Это есть «чудо», не укладывающееся ни в какие каноны военной науки. Такое соотношение потерь возможно разве что в том случае, когда белые колонизаторы, приплывшие в Африку с пушками и ружьями, наступают на аборигенов, вооруженных копьями и мотыгами. Но летом 1941 г. на западных границах СССР была совсем другая ситуация: обороняющаяся сторона в целом не уступала противнику ни в численности, ни в вооружении, количественно превосходила его в средствах нанесения мощного контрудара — танках и авиации, да еще и имела возможность построить свою оборону на системе естественных преград и долговременных оборонительных сооружений...»

Уникальное исследование ведущего военного историка дает исчерпывающий ответ на вопрос: к какой войне готовился Сталин и почему реальная война началась с катастрофического поражения Красной Армии? Используя десятки тысяч страниц первичных документов из российских и германских архивов, Марк Солонин ставит окончательный диагноз сталинскому режиму, за который в 1941 году не желала воевать даже собственная армия.

УДК 355/359
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-9955-0739-0

© Солонин М.С., 2014
© ООО «Яуза-пресс», 2014

Эта книга, как и все предыдущие, была написана вне рамок заказа, финансирования, прямой или косвенной поддержки со стороны каких-либо государственных, академических, общественно-политических структур. В то же время поиск, сбор и перевод огромного массива архивных документов потребовал значительных усилий и затрат. Мне удалось решить такую задачу лишь благодаря разносторонней помощи десятков людей, в большинстве своем неизвестных мне даже по именам. Я горячо и искренне благодарю каждого из них и своим приятным долгом считаю отметить особый вклад Петра Чернышева (Украина), Игоря Гуменного (Украина), Михаила Горфункеля (Великобритания), Сергея Горшенева (Россия), Ильи Домбровского (Нидерланды), Алексея Жарова (Россия), Дмитрия Кирикова (Германия), Рихарда Лехманна (Украина), Сергея Петрова (Россия), Василия Ристо (Германия), Александра Фишера (США).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Катастрофа

На рассвете 22 июня 1941 г. войска гитлеровской Германии вторглись на территорию СССР. Три недели спустя немецкие генералы могли констатировать, что первая задача, поставленная перед ними по плану «Барбаросса» (*«Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено...»*), в основном уже выполнена.

Выдвижение «танковых клиньев» было глубоким и быстрым. Противник занял Литву, Латвию, почти всю Белоруссию, Западную Украину, форсировал Буг, Неман, Западную Двину, Березину, Горынь и Случь, вышел к Днепру. 10 июля немцы заняли Псков, 16 июля — Смоленск.

Две трети расстояния от западной границы до Ленинграда и Москвы были пройдены. Танковые дивизии вермахта преодолели по 500 и более километров советских дорог. За первые 20 дней войны немцы заняли территорию площадью порядка 450 тыс. кв. км, что примерно в 2 раза больше территории Польши, оккупированной вермахтом в сентябре 1939 г., и в 3 раза больше территории Бельгии, Голландии и северо-востока Франции, захваченных вермахтом в мае 1940 г. (см. рис.1).

Войска Прибалтийского и Западного особых военных округов (более 70 дивизий, 1 млн человек) были разгромлены, рассеяны по лесам или взяты в плен. Чуть позднее то же самое произошло с Юго-Западным и Южным фронтами. «Отступление боеспособных войск противника» было успешно

(для немцев) предотвращено — за Днепр и Западную Двину смогли отойти лишь разрозненные остатки некогда огромной армии; командиров дивизий, которые смогли вывести полторы тысячи человек с дюжиной пулеметов и парой пушек (т.е. сохранить порядка 10–15% личного состава), отмечали в приказах как особо отличившихся...

К 6–9 июля войска Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов потеряли 11,7 тыс. танков, 19 тыс. орудий и минометов. [1] Особенно тяжелые, практически невозможные потери понесли танковые войска — крупнейшие в мире советские танковые войска, на создание которых был потрачен многолетний труд и огромные материальные ресурсы. Уже 15 июля 1941 г. остатки мехкорпусов начали официально расформировывать. Авиационные дивизии и полки ВВС западных округов потеряли не менее 80–85% самолетов; впрочем, и оставшиеся в списках боевые машины в большинстве своем считались неисправными. В итоге к 1 августа 1941 г. советские ВВС потеряли 10 тыс. самолетов (в четыре раза больше, чем было у люфтваффе на Восточном фронте), из которых 5240 числились как «неучтенная убыль». [4]

Стремительная потеря огромных территорий с неизбежностью повлекла за собой потерю гигантских запасов военного имущества, по какой-то причине сконцентрированного у западных рубежей Советского Союза. По данным ГАУ (Главное артиллерийское управление), из 40 артиллерийских складов, расположенных до линии Ленинград, Нежин, Кременчуг, удалось эвакуировать только 11. В приграничных округах были потеряны также сотни тысяч тонн ГСМ, десятки миллионов индивидуальных перевязочных пакетов, огромное количество продовольствия, фуража, обмундирования...

Не приходится удивляться тому, что к середине июля многим немецким генералам кампания на Восточном фронте показалась уже завершенной — они представить себе не могли, что армия, понесшая такие потери, окажется способной к дальнейшему сопротивлению. Да, «битые гитлеровские генералы» в конечном счете ошиблись, и война закончилась в Берлине, но наша радость по этому поводу — со слезами на глазах. То, что было легко и быстро потеряно за 3–4 месяца лета—осени 41-го года, пришлось возвращать ценой непрерывного трехлетнего кровопролития, ценой жизни миллионов солдат на фронте, миллионов мирных жителей на оккупированных территориях. В целом на линию границы 41-го

года Красная Армия смогла вернуться лишь к июлю—августу 1944 г. Это в целом; в частности, например в Прибалтике, бои продолжались до весны 1945 года.

И все же самым невероятным во всей этой истории следует признать не высокие темпы и глубину наступления вермахта, не огромные цифры потерь Красной Армии — а удивительные (неправдоподобно малые) потери противника. Наступающий, причем чрезвычайно успешно наступающий вермахт нес потери **в десятки раз меньшие**, чем обороняющаяся Красная Армия.

Вот, например, 6-я танковая дивизия вермахта (Группа армий «Север»). Пример этот примечателен тем, что 6-я тд была вооружена хуже всех — основу ее танкового парка составляли легкие чешские танки образца 1935 г. (Pz-35(t) по немецкой системе обозначений), устаревшие технически и весьма изношенные многолетними маршами, походами и боями. 24 июня у реки Дубиса (Литва) 6-я немецкая танковая столкнулась во встречном бою со 2-й танковой дивизией Красной Армии, имевшей на вооружении, кроме всего прочего, 31 новейший тяжелый танк КВ. Для советской дивизии танковое сражение закончилось полным разгромом, потерей матчасти и гибелью командира. 6-я немецкая тд потеряла 24 июня всего 121 человека (31 убит, 18 пропали без вести, 72 ранено). [5] Менее одного процента штатной численности.

И это — самый тяжелый день и самые большие потери. 28 июня 6-я танковая дивизия форсирует полноводную Даугаву — естественный оборонительный рубеж стратегического значения. Потери: 3 убитых, 14 раненых. [6] Переправившись на северный берег, немецкая танковая дивизия устремилась к Пскову. 4—6 июля она разгромила во встречном бою части 163-й моторизованной и 3-й танковой дивизий Красной Армии, прорвала линию ДОТов Островского укрепрайона, форсировала пару мелких речушек. Потери за три дня: 28 убитых, 55 раненых. [7]

Вот еще одна немецкая дивизия, 11-я танковая. Уровень потерь личного состава — один из самых высоких среди всех танковых дивизий вермахта: к 3 июля потери дивизии составили 923 человека, в т.ч. 333 — безвозвратно. [8] Шесть процентов от штатной численности. Ценой этих шести процентов 11-я тд успела сделать следующее: непрерывно наступающая

в авангарде 1-й Танковой Группы, дивизия прошла более 200 км; вступила в бой с советскими 10-й и 43-й танковыми и 228-й стрелковой дивизиями, 109-й и 213-й моторизованными дивизиями и 114-м танковым полком 57-й танковой дивизии; бои эти закончились тем, что от упомянутых дивизий Красной Армии остались номера и, в лучшем случае, 30–40% личного состава с десятком танков, а немецкая дивизия покатила дальше на восток...

В целом вся группировка вермахта на Восточном фронте в период с 22 июня по 6 июля потеряла 64 132 человека, в том числе 19 789 — безвозвратно. Такие цифры приводит в своем знаменитом «Военном дневнике» (запись от 10 июля 1941 г.) начальник штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер.

Разумеется, 10 июля Гальдер не располагал еще всей информацией по потерям на 6 июля, поэтому указанные выше цифры (64 тыс., в том числе 20 тыс. безвозвратно) несколько занижены. По так называемым «десятидневкам» (отчетам о потерях, составляемым верховным командованием на основании донесений штабов частей и соединений за каждый десятидневный период) потери вермахта к 10 июля 1941 г. составили 77 тыс. человек, в том числе 23 тыс. безвозвратно. Численность группировки вермахта на Восточном фронте на тот момент Гальдер оценивает в 3,3 млн человек, соответственно общие потери (убитые, раненые, пропавшие без вести) составляют всего 2,3%.

Да и эти цифры можно оспорить, т.к. любые донесения, составленные в ходе боевых действий, недостаточно точны и полны. Можно и дальше заниматься уточнением статистических данных, но бесконечная эта дискуссия не должна заслонять от нас главное. А главное — это то, что за разгром Первого стратегического эшелона Красной Армии (по числу дивизий не уступавшего ни одной европейской армии, а по количеству танков и самолетов в разы превосходившего любую из них), за оккупацию огромной территории вермахт заплатил потерей 2–3% своего личного состава. Если же говорить не об общих, а только о безвозвратных (убитые и пропавшие без вести) потерях, то они оказались порядка 1%. «Отряд не заметил потерю бойца...» Даже в ходе того, что советская историография называла «триумфальный марш вермахта во Франции», безвозвратные потери немцев были вдвое больше (46 тыс. человек). [16]

Самой главной оценкой потерь вермахта может служить сравнение их с потерями противника, т.е. Красной Армии. По официальному мнению современных российских военных историков, в период с 22 июня по 6–9 июля войска Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов потеряли безвозвратно 589 тыс. человек, и эта цифра не включает еще потери Северного фронта (Ленинградский ВО) и Южного фронта (Одесский ВО), которые начали активные боевые действия, соответственно, 29 июня и 2 июля 1941 г. [17]

Сегодня уже не вызывает сомнений явное и значительное занижение данных о потерях, допущенное составителями сборника «Гриф секретности снят» (сборник Кривошеева). Так, в частности, общие потери Северо-Западного фронта они оценили в 88,5 тыс. человек (всего 23% от первоначальной численности). Может ли это быть правдой, если все известные документы с абсолютным единодушием свидетельствуют — фронт был разгромлен наголову, до Острова и Пскова добрались лишь разрозненные группы бойцов и командиров¹. И что примечательно, на стр. 368 все того же сборника нам сообщают, с 22 июня по 9 июля СЗФ потерял 341 тыс. единиц стрелкового оружия. Как 89 тыс. человек могли «потерять» 341 тыс. винтовок?

В нормальной воюющей армии потери личного стрелкового оружия меньше, чем потери людей — бросать винтовки не положено, у них есть номера, и за каждую винтовку кто-то расписался; винтовка весит 3–4 кг, и один здоровый мужчина без особого напряжения может вынести с поля боя 3–4 винтовки, оставшиеся от раненых и убитых товарищей. В ненормальной, панически разбегающейся армии потери личного оружия могут сравняться с потерями личного состава, но не превысить же их в 4 раза! Западный фронт, кстати, также смог (на страницах статистического сборника «смог») потерять 521 тыс. единиц стрелкового оружия при потере 418 тыс. человек. Только в случае с Юго-Западным фронтом цифры, приведенные в сборнике Кривошеева, приходят в некоторое соответствие со здравым смыслом (потеряно 242 тыс. человек и 170 тыс. единиц стрелкового оружия).

¹ По расчетам И.И. Ивлева, проделавшего гигантскую работу по изучению первичных документов о движении личного состава Северо-Западного фронта, потери фронта на 9 июля составили 260 тыс. человек, что втрое больше того, что подсчитано у Кривошеева.

В итоге мы имеем следующее: даже если принять заведомо и значительно заниженные цифры Кривошеева, то и в этом случае соотношение безвозвратных потерь личного состава в ходе т.н. «приграничного сражения» (до 6–10 июля) составит **1 к 23**. Реальная же картина безвозвратных потерь определяется, скорее всего, цифрами порядка 900–1000 тыс. с советской стороны и 25–30 тыс. с другой, что дает в итоге соотношение **1 к 35**. Несколько нарушая хронологию изложения, сразу же отмечу, что итоговое соотношение безвозвратных потерь за весь 1941 год составило порядка **1 к 28**.

Это есть «чудо», не укладывающееся ни в какие каноны военной науки. Такое соотношение потерь возможно разве что в том случае, когда белые колонизаторы, приплывшие в Африку с пушками и ружьями, наступают на аборигенов, вооруженных копьями и мотыгами. Но летом 1941 г. на западных границах СССР была совсем другая ситуация: обороняющаяся сторона в целом не уступала противнику ни в численности, ни в вооружении, количественно превосходила его в средствах нанесения мощного контрудара — танках и авиации, да еще и имела возможность построить свою оборону на системе естественных преград (полноводные реки Буг, Неман, Березина, Западная Двина, Днепр, Днестр) и долговременных оборонительных сооружений (порядка 1 тысячи железобетонных ДОТов вдоль «новой» границы и более 3 тысяч — у «старой»).

Поиск объяснений

Что это было? Что произошло с «непобедимой и легендарной» Красной Армией? Как такой жуткий разгром мог случиться с армией страны, наделенной неисчислимыми природными ресурсами, страны, которая ничем другим, кроме подготовки к будущей войне, честно говоря, и не занималась?

Правильный ответ начинается с правильного вопроса. Этот же афоризм можно, на мой взгляд, перефразировать иначе: неправильный ответ (тем паче — преднамеренная попытка ввести людей в заблуждение) начинается с нелепо сформулированного вопроса. Именно так и действовали советские историки-пропагандисты — соответствующий параграф в их книжках назывался «Причины временных неудач Красной Армии» или еще круче: «Причины проигрыша приграничного сражения».

Слова «временная неудача» — это совсем не то, что побуждает искать какую-то весомую причину. С кем не бывает временных неудач? А уж термин «приграничное сражение» — применительно к военной кампании, развернувшейся на пространствах, превышающих площадь большинства европейских стран, — и вовсе следует признать блестящей находкой партийных пропагандистов. Воображение читателя сразу же рисует картину боя взвода пограничников с навалившейся на них бандой. Остается только добавить два слова — «неожиданно и внезапно» — и причина «проигрыша приграничного сражения» станет простой и понятной...

Впрочем, тезис о «неожиданном и внезапном нападении на мирно спящую страну» даже в советские времена не претендовал на статус «первой линии обороны», а выполнял скорее роль «предполя» (этим термином в военном деле обозначают полосу территории, на которой предполагается притормозить наступление противника, задержать его выход к главной линии обороны).

Даже советские пропагандисты (слово «даже» в данном случае относится не к оценке их умственных способностей, а к оценке ситуации, в которой они работали, чувствуя за спиной надежную поддержку «органов», готовых заткнуть рот любому несогласному) понимали, что излишне акцентировать тему пресловутой «внезапности» не стоит — уж в слишком дурацком виде выставляла она родную партию, ее мудрый Центральный комитет и самого Вождя, которые не смогли разглядеть сосредоточение у границ СССР трехмиллионной вражеской армии. С первыми же лучами «гласности» цветы внезапности окончательно увяли; сегодня даже добросовестный школьник знает, что длинная череда тяжелейших поражений Красной Армии (Уманьский, Киевский, Вяземский, Брянский, Керченский, Харьковский «котлы»), начавшись летом 41-го, продолжилась осенью и возобновилась в мае 42-го года; о какой «внезапности» можно тут говорить?

Соответственно, первой и главной «линией обороны» в советской исторической мифологии стало «многократное численное превосходство противника, особенно в танках и авиации». Вот это звучит убедительно. Весомо. С детства обработанный советский человек сразу же представлял себе трех красноармейцев с «одной винтовкой на троих», на которых надвигаются пять немцев, укрытых под броней «Тигра».

А следом за ними — колонна автоматчиков, все как один на бронетранспортерах. Вот и повоюй тут!

Весь этот бред растаял, как туман на рассвете, при первых же признаках ликвидации идеологической цензуры. На сей момент танки, пушки, пулеметы и дивизии давно посчитаны и пересчитаны, результаты многократно перепроверены и опубликованы. Не знать реального соотношения сил сегодня может только тот, кто очень сильно зажмурился, да так и не открывал глаза последние 10–15 лет. Из множества достойных публикаций могу порекомендовать, например, обстоятельную статью М. Мельтюхова. [19] Самые любознательные могут обратиться непосредственно к первичным документам, благо в наше время с ними можно ознакомиться, даже не отходя от компьютера. [20]

От себя я хочу лишь напомнить о том, что 22 июня война не закончилась, а только началась. Соответственно, «мгновенная фотография» состава противоборствующих группировок по состоянию на первый день войны никоим образом не может считаться исчерпывающим ответом на вопрос о соотношении сил сторон. Ничуть не менее важным является (и теоретически, и практически) способность наращивать силы, восполнять потери личного состава и техники, формировать новые соединения. Вот об этом-то у нас принято традиционно забывать. И привычка такая возникла в советские времена совсем не случайно — «мгновенная фотография» серьезно искажает (в пользу Германии) реальную картину соотношения сил.

То, что командование вермахта собрало 22 июня 1941 г. у границ Советского Союза, представляло собой максимум достижимого для Германии, которая уже давно провела мобилизацию резервистов и теперь вела боевые действия на нескольких сухопутных фронтах, в небе над «рейхом» и на безбрежных просторах Атлантического океана. Всего до конца 1941 г. на Восточном фронте из резерва ГК в бой были введены 2 танковые, 1 моторизованная и 25 пехотных дивизий; очень скромно — как в абсолютных, так и в относительных числах (в составе трех Групп армий «Север», «Центр», «Юг» изначально было 119 дивизий, не считая т.н. «охранные»). В качестве маршевого пополнения соединения вермахта на Восточном фронте получили до конца 1941 г. менее 20% от своей первоначальной численности.

С другой стороны, те силы, которые Красная Армия развернула в западных округах к 22 июня, представляли собой

минимум, который 200-миллионный Советский Союз смог сосредоточить на Западе в условиях незавершенной скрытой мобилизации. 23 июня 1941 г. была начата открытая мобилизация, и уже к 1 июля в ряды Вооруженных сил было призвано 5,3 млн человек¹. Это означало увеличение общей численности Красной Армии в два раза и позволило формировать новые дивизии и бригады сотнями. 1 июля мобилизация, разумеется, не закончилась. Она еще только начиналась. Всего до конца года — по минимальным из имеющихся оценок — было мобилизовано 11,7 млн человек, добросовестные современные исследователи насчитали и все 14 млн. Разумеется, не все эти миллионы сразу же попали в действующую армию, но в целом общий «ресурс живой силы», предоставленный командованию Красной Армией в 1941 г., примерно втрое превысил соответствующий ресурс противника.

Уже к 10 июля, несмотря на тяжелейшие потери и окружения первых недель войны, в составе действующих фронтов Красной Армии числилось 202 (!) дивизии, в том числе 62 «свежих», не принимавших участия в июньских боях соединений Второго стратегического эшелона². [140] И упомянутые 62 дивизии — это только начало длинного перечня; уже к этой дате в составе резерва ГК, непосредственно за фронтом, находились 22 стрелковые, 6 танковых и 3 моторизованные дивизии. К 1 августа численность действующей армии возрастает до 263 дивизий. А маховик мобилизации все крутится и крутится, и на фронте появляются все новые и новые формирования...

Еще более красноречива динамика пополнения танковых войск. На восполнение потерь вермахта на Восточный фронт в течение второй половины 1941 г. поступило всего 513 танков и «штурмовых орудий», кроме того, в бой были введены две свежие танковые дивизии (2-я и 5-я), на вооружении которых числилось 380 танков. Итого — 893 танка, в том числе 631 средний. Красная Армия за тот же период получила от

¹ Вопреки усиленно распространяемому — и успешно внедренному в массовое сознание — заблуждению, в первой «волне мобилизации» были призваны не мальчишки-школьники, а прошедшие ранее воинскую службу резервисты, включая 505 тыс. офицеров запаса.

² Не учтены т.н. «дивизии народного ополчения» и отдельные полки; две кавдивизии или две бригады считаются за одну «расчетную дивизию»; пять воздушно-десантных корпусов учтены как две «расчетные дивизии».